

С наступлением зимы племя обменяло у шамана соседнего племени травы, «благословлённые Оресом». Для Сун Дуаня они выглядели как охапка пожухлой травы и листьев.

Утром третьего снегопада простуженный Сун Дуань начал беспрерывно кашлять.

Он не был первым заболевшим — до него слегли 4-5 соплеменников: самцы, самки, взрослые и детёныши.

Сначала Ли решил, что это обычная простуда. Во время перехода от холодной погоды к теплой слабые особи часто чувствуют недомогание в течение нескольких дней. Только когда заболели две самки и не было никаких признаков улучшения, он заподозрил неладное.

Поэтому Ли поторговался со старейшиной соседнего племени. Старейшина был единственным человеком в соседних племенах, который дожил до пятидесяти лет, и обладал большим опытом и знаниями, заслужив большое уважение. Ли обменял могучего зверя и недавно изготовленные инструменты на травы.

Он давал травы больным зергам, смешивая их с водой. Взрослые начали поправляться, но у одного детеныша в ту ночь поднялась высокая температура, и к следующему утру он уже был неподвижен.

Ли дал травы Сун Дуаню. Глотание сухих, колючих листьев причиняло боль его горлу, и многие из них были выброшены при кашле. Увидев, как драгоценные травы, купленные на средства племени, падают на землю, Ли почувствовал, что его сердце разбито.

С тех пор как состояние Сун Дуаня ухудшилось, Эли постоянно находился рядом с ним, заботясь о нем.

Однако снежные дни были лучшим временем для охоты, так как некоторые мелкие животные выходили на охоту в поисках пищи. У Эли, который специализировался на охоте в снегу, не было другого выбора, кроме как отправиться на охоту с самками из племени.

К полудню лоб Сун Дуаня пылал. Ци неоднократно пытался охладить его снегом, но безуспешно. У него постоянно текло из носа, лицо покраснело, и он обильно потел. Несмотря на сильный жар, он продолжал говорить, что ему холодно и больно.

Ли поспешно привел старейшину из соседнего племени. Старейшина с белой бородой посмотрел на Сун Дуаня, задал ему несколько вопросов, пощупал его температуру и покачал головой, сказав:

— Он не выживет.

Ци, не в силах сдерживаться, заплакал.

Старейшина сказал, что те, кого нельзя было спасти, никогда не выживали.

У Сун Дуаня закружилась голова, и он не мог отчетливо расслышать их слова. Увидев, что фигура с белой бородой уходит, он, казалось, понял, даже находясь в оцепенении.

Вернувшийся Эли подслушал разговор старейшины. Он уронил кролика, которого держал в руках, и, обернувшись, схватил старейшину за плечо, требуя объяснить, что он только что сказал. Старейшина не рассердился, а только сказал:

— Его время истекает.

— Как это могло случиться? Как это могло случиться? Этим утром с ним все было в порядке. Должно быть, во всем виноваты ваши травы!

Эли бросился обратно ко входу в пещеру, подбирая кролика, на которого охотился.

— Старейшина, у тебя должен быть другой способ спасти его. Разве в прошлый раз, когда вы его лечили, он не вернулся? Я могу принести вам еще дичи. Если вы сможете спасти его, я буду охотиться на все, что вам нужно.

— На этот раз все по-другому. Он почувствовал зов земли и вот-вот вернется в объятия Ореса, чтобы насладиться вечным покоем и радостью. В прошлый раз Орес позволил ему вернуться сюда, и это уже было величайшей милостью.

Старец похлопал Эли по плечу:

— Если тебе есть что сказать, иди и скажи это ему сейчас. Скоро будет слишком поздно.

Убитый горем Эли вернулся в пещеру как раз вовремя, чтобы увидеть самку, которая несла Сун Дуаня, направляясь вглубь пещеры.

— Что ты делаешь! Отпусти Дуаня! — крикнул Эли, останавливая самку на полпути.

— Он вот-вот умрет. Ему нужно вернуться.

«Вернуться», произнесенное самкой, относилось к возвращению к Оресу. Они верили, что после смерти душа человека отправляется в храм бога земли, а дно пещеры было ближайшим местом к храму Ореса.

— Он ещё жив! Отпусти его, отпусти! — кричал Эли.

— Эли, ему пора.

— Опустите его!

Самка посмотрела на Ли, увидев его кивок, она передала Сун Дуаня Эли.

— Эли, Дуань больше не может оставаться в этой пещере, иначе у других тоже начнется лихорадка. И старейшина также сказал, что ему нужно вернуться в объятия бога земли.

— Я сам отведу его. Я немедленно уйду, и мы не останемся в пещере, — Эли крепко сжал Сун Дуаня в объятиях.

— Снаружи слишком сильный ветер и снегопад. Ты заблудишься в снегу и замерзнешь насмерть, — Ли посмотрел на Эли, который вырос под его присмотром.

— Нет, нет, боги любят его и не заберут так скоро. Я ухожу, я ухожу прямо сейчас, немедленно.

— Эли, ты правда решил отправиться в путь? Оставить свое племя, отказавшись от своей защиты и оставить опеку Ореса далеко позади, отправляясь в одиночку по неизвестному пути?

— Прости, Ли, — Эли крепко держал Сун Дуаня, не сводя глаз с его покрасневших щек и

постоянно вытирая его лицо.

Ли взял из небольшой расщелины в скале неподалеку каменную чашу, наполненную смесью льда и земли, окунул указательный палец в грязь и пометил лоб Эли.

Окружающие зерги в шоке наблюдали за происходящим.

— Вы готовы к своему путешествию?

— Ты отметил меня грязью поэтому мне суждено покинуть эту землю.

Ли обняла Эли и поцеловала его в щеку.

— Я действительно не понимаю, дитя мое. Почему ты не хочешь отпустить Дуаня с миром, чтобы он вернулся в объятия богов?

— Нет, нет, нет, я не могу его отпустить. Если кто-нибудь еще прикоснется к нему, я сойду с ума, — сказал Эли с улыбкой, по его лицу текли слезы.

— Иди вперед. Не оглядывайся. Не сожалей.

Эли взял сверток, который приготовило для него его племя, и вышел из пещеры. Ци, наблюдавший за его удаляющейся фигурой, внезапно выбежал, догнал Эли и отдал ему костяную флейту, которую тот держал в руках.

— Дуаню всегда нравилась моя костяная флейта. Я обещал сделать такую же для него, но так и не успел ее закончить, — сказал Ци, взглянув на Сун Дуаня, свернувшегося калачиком на груди Эли. Он потянулся потрогать лицо Сун Дуаня, но Эли остановил.

— Отдай ему эту флейту, Эли. И когда Дуань поправится, возвращайся.

— Я больше не вернусь. Я планировал рано или поздно забрать его.

— Эли, как ты можешь так говорить? Ты же знаешь, что Ли просто следовал твоим желаниям. Он не хотел, чтобы ты покидал нас навсегда. Ты должен вернуться!

— Я знаю, о чем думает Ли, но я не вернусь. Я отправлюсь на юг. Мне не нравится, когда другие прикасаются к Дуаню или ко мне. Мне здесь не место.

— Эли! Как ты можешь верить в такое непонятное место? Кроме того, Дуань может умереть в любой момент!

— Ци, спасибо тебе. Возвращайся скорее, — Эли намеренно пропустил последние слова Ци мимо ушей и прошел мимо него.

Ци наблюдал за удаляющейся фигурой Эли, который шаг за шагом уходил в метель, исчезая под белым снегом.